

Глава 44

Туман, поглощающий цветок

Губы Се Хунъи, бледные от болезни, после прикосновения белого камня окрасились кровью, словно пион, разбитый проливным дождём.

Пальцы куклы слегка дрожали.

Она хотела совершить насилие, но боялась ответного удара Се Хунъи. Когда её пальцы коснулись его зубов, на них вдруг выросла грубая, жёсткая щетина.

Такой контраст лишь усиливал её возбуждение.

— Всего лишь поднести цветок. Когда-то ты чуть не откусил мне палец, — прохрипела кукла. — Наследный принц Се Ни... Какая разница, чего нельзя касаться? Я коснусь...

Всё произошло в мгновение ока.

С звонким треском, словно лопнул фарфор, белый камень был разгрызен.

Осколок камня упал на пол, а чёрная тень, острая, как короткий медный кинжал, вонзилась кукле в грудь.

Се Хунъи наклонился вперёд, не давая ей шанса снова сбежать, и его правая рука провернулась.

Щёлк!

Кроме Талисмана-марионетки, он ничего не нашёл. Зато острая боль в глазах начала утихать.

Похоже, кукла успела телепортировать остатки тени.

— Эта марионетка сделана из без огненной земли перед храмом. Ты в городе, — сказал Се Хунъи.

Кукла, на грани исчезновения, прерывисто рассмеялась:

— ...Ха-ха-ха, в городе? Верно. Это он привёл меня к тебе. Перед смертью он подарит принцу несколько дней покоя!

Голос оборвался. В ушах на мгновение стало тихо.

Се Хунъи, отравленный чумой и измученный кошмарами, был на пределе сил. Ледяные потоки метались в его теле, он пошатнулся и опрокинул шёлковую шахматную доску.

Бам!

Только прогнали шакала, как явился злобный гость.

Под стук падающих камней фонарь в углу комнаты бешено замигал, и фигура, окутанная едким запахом селитры, ворвалась в дверь. Его плечи и спина были в крови, словно его растерзали дикие псы.

Кто это мог быть, кроме Дань Фэна?

Избавиться от горбуна Бучжоу было нелегко. После драки они стали заклятыми врагами, и, к тому же, он потерял много времени.

В спальне было темно.

Дань Фэн нахмурился, уловив остатки убийственной ауры. Он захлопнул за собой дверь и запер её своим длинным клинком Фэнъе, а затем широким шагом направился к кровати.

Се Хунъи лежал ничком на столике в изножье кровати, подложив под голову руку. Его чёрные волосы были рассыпаны, а сорванный белый полог прикрывал спину, но не мог скрыть его худые, резкие очертания.

Словно сломанный нефритовый пик, он слабо вздымался в такт дыханию. Любой, кто увидел бы его спящим, потерял бы всякую бдительность.

С ним всё было в порядке.

Но на пути от двери до кровати повсюду валялись осколки фарфора.

Опоздал? От незваного гостя остались только черепки?

Подойдя ближе, Дань Фэн наступил на что-то. Он наклонился и увидел, что это глиняная голова обезьяны с кривым носом, косыми глазами и высунутым алым шёлковым языком.

Дань Фэн без церемоний наступил на неё, превратив в более приятные глазу осколки, и лишь затем поднял шёлковый лоскут.

Использованный талисман-марионетка?

Тот, кто его оставил, был очень осторожен. Руны, нарисованные кровью, почти исчезли, и отследить ауру основного тела было невозможно.

На обратной стороне шёлка была строчка, нацарапанная, словно обезьяньей лапой, но написанная вежливо: «По просьбе принца, пришёл отплатить. Злой огонь искоренён. Через десять дней вернусь для игры в го. С почтением, Хоу Саньлан».

— Хоу Саньлан? — произнёс Дань Фэн. — Почему ты вечно связываешься с какими-то мохнатыми тварями, градоначальник Се?

Он ещё мог усмехаться, но в глубине души что-то неприятно кольнуло.

На шёлке было написано так нежно, «игра в го». Когда они познакомились?

Но когда его взгляд скользнул по волосам и подушке Се Хунъи, его лицо резко помрачнело.

Мерцающий свет.

Повсюду были осколки Жемчужин переплавки души. Души внутри них рассеялись, но слабый запах крови всё ещё витал в воздухе.

— Истинный огонь Шаоян... — прошептал Дань Фэн.

Загадка трагедии в Долине Белого Облака нашла свой ответ у изголовья Се Хунъи.

После смерти души учеников были заключены в жемчужины и подвергнуты пыткам.

Нужно было учесть, что эти ученики были ещё молоды. Они поступили в Обитель незадолго до начала снежной напасти и редко покидали её пределы, не говоря уже о том, чтобы наживать себе врагов.

Судя по записке, это сделал Хоу Саньлан для Се Хунъи.

Какие между ними были отношения?

Приказ или подношение?

Едва уловимый кровавый туман осел на щеках Се Хунъи, и кошмар у озера Белой Пагоды на

мгновение стал реальностью.

Шею Дань Фэна пронзила острая боль. В груди, казалось, бушевали горы клинков, то тупых, то острых, заставляя его хрипло вдыхать воздух.

Но, стоя перед Се Хунъи, он инстинктивно тянулся к этому прекрасному и опасному лезвию. В голове осталась лишь одна мысль.

К счастью, поймал.

Прядь волос у виска Се Хунъи тоже была холодной.

Дань Фэн некоторое время смотрел на неё, а затем медленно заправил её большим пальцем ему за ухо.

Его присутствие не принесло ему покоя. Всё было как в тумане — вроде бы видишь, но не можешь понять.

Тень от занавеса метнулась в сторону, словно хотела его отбросить.

— Мешаешь? — сказал Дань Фэн и, постучав пальцем по столику, коснулся тени. — Я и тебя коснусь.

Этот ход заставил тень отпрянуть на несколько цуней.

— Кто такой Хоу Саньлан? Почему он тебе служит? — спросил Дань Фэн.

Се Хунъи был очень слаб. Он лежал на столике и лишь спустя долгое время ответил:

— Кто знает, что у него на уме.

Дань Фэн почувствовал облегчение.

— Значит, ты не знал, что он убил этих учеников Обители Сихэ?

— Хорошо, что сдохли, — равнодушно ответил Се Хунъи.

Брови Дань Фэна дёрнулись.

— Почему ты так ненавидишь Обитель Сихэ?

— Прожив долго в волчьей стае, перестаёшь чувствовать вонь? Почему я не могу ненавидеть?
— сказал Се Хунъи. В его ослабленном состоянии любое приближение вызывало у него необъяснимое раздражение. Его пальцы, упирающиеся в столик, сжимались всё сильнее. — Убирайся!

Не успел он договорить, как Дань Фэн резко присел и схватил его за правую лодыжку!

Се Хунъи спал в шёлковых чулках, но сейчас лента развязалась. Когда Дань Фэн схватил его, он, одновременно удивлённый и разгневанный, без колебаний ударил его ногой.

Дань Фэн тут же отпустил его, но чулок соскользнул, обнажив кожу, бледную, как нефрит.

На ней виднелись старые синяки, а кость, казалось, была сломана и срослась неправильно. Это был старый шрам от кандалов.

Взгляд Дань Фэна застыл.

Цель его визита была ясна — разрешить вражду. Раз Се Хунъи был полон такой ненависти, значит, он, должно быть, сильно пострадал.

Шрам от кандалов подтвердил его догадки и заставил его сердце сжаться.

На запястьях Се Хунъи тоже были слабые красные следы, которые так и не исчезли. Он всегда думал, что это его вина.

Но то, что он увидел в Жемчужине переплавки души Цзинь Юаньбэя, открыло ему глаза. Окровавленная тень, израненные до костей руки и ноги, крик боли и ярости — словно он вырвался из оков.

Почему Се Хунъи оказался в Дворце Небесного Огня и Вечной Весны именно в то время?

И почему он был весь в ранах, похожий на злого духа?

Где он был до этого?

Почему-то, как только этот вопрос возник, сердце Дань Фэна бешено заколотилось, словно инстинктивно уклоняясь от слишком ужасной мысли.

Лечить нужно до костей. Даже если страшно спрашивать, спросить надо!

— Ты всё это время был в Дворце Небесного Огня и Вечной Весны? Верно? Что они с тобой сделали?

Задавая этот вопрос, он уже был готов к ответу и схватил Се Хунъи за запястье.

И действительно, тонкий пульс под его пальцами бешено забился, и тень тут же нанесла удар, отбросив его голову в сторону. В ушах у Дань Фэна зазвенело, но это не могло заглушить кипение крови.

Причина всего этого зла действительно была в Дворце Небесного Огня и Вечной Весны!

Этих людей нужно было казнить тысячу, десять тысяч раз.

— Они посмели пытаться тебя... Слишком лёгкая смерть! — сказал Дань Фэн.

Се Ни полуприкрыл глаза и холодно усмехнулся.

— Но ты пришёл, чтобы остановить меня.

Дань Фэн на мгновение замолчал. Если секунду назад его гнев был подобен раскалённому железу, то теперь ему пришлось проглотить этот расплавленный металл.

— Да. Во Дворце Небесного Огня и Вечной Весны не осталось в живых никого. Ты собираешься продолжать? Враждуя со всеми обладателями огненного корня, ты лишь навредишь себе.

— И что, есть путь назад? — спросил Се Хунъи. — Ты прекрасно знаешь, что если я сегодня попаду в руки любого из Обитатели Сихэ, моя участь будет в сотни раз хуже, чем тогда. Остановиться? Сдаться?

— Это другое! Я могу пойти вместо тебя! — воскликнул Дань Фэн. — В конце концов, это всего лишь ещё одна прогулка на дно озера Ганьцзян. В конце концов... если ты только согласишься остановиться.

— А ты кем себя возомнил? — медленно произнёс Се Хунъи.

Он говорил очень тихо, полулежа на столике, с томной усталостью, но его слова были неоспоримой истиной.

Он поднял руку и отмахнулся.

— Пока не разберёмся, я не уйду! — сказал Дань Фэн.

— Неудивительно, что вы из одного теста. Братская дружба крепче золота, — холодно заметил Се Хунъи. — И неудивительно, что вы все заодно.

— Кто «вы»? — спросил Дань Фэн.

Се Хунъи слегка приподнял брови.

— Заодно, — повторил Дань Фэн, чеканя каждое слово. — Кто из Обитатели Сихэ был замешан в деле с Дворцом Небесного Огня и Вечной Весны?

Се Хунъи вдруг усмехнулся.

— Ты спрашиваешь, чтобы очистить ряды или чтобы посоветовать мне не убивать невинных?

Он улыбался, но в его глазах стоял холодный, ядовитый свет. В этом и была проблема близкого знакомства. От нескольких слов желваки на щеках Дань Фэна заходили ходуном, но он сдерживался.

— Ты и сам знаешь, что не можешь этого сказать, — усмехнулся Се Хунъи.

— Редко говорим, и обязательно нужно так? — сказал Дань Фэн.

— Если тебя укусит собака, ты узнаешь, какая именно?

— Ты думаешь, «погибнуть вместе» — это просто слова? Если не разрешить этот узел, ты в конце концов умрёшь из-за этого! — сквозь зубы процедил Дань Фэн.

— Дань Фэн, тебе мало урока у озера Белой Пагоды? Ты ещё смеешь являться ко мне?

Дань Фэн сдерживался, как мог, но в конце концов не выдержал. Его слова били по самым больным местам, вбивая гвозди в раны. Ему хотелось вскочить и выломать дверь, но в то же время хотелось повалить его на кровать и разорвать грудь, чтобы посмотреть, что там внутри. И он так и сделал.

Дань Фэн протянул руку и схватил Се Хунъи за подбородок.

Ответом ему стала острая боль в шее.

Два тонких пальца зацепили золотое кольцо и слегка потянули.

Алые оковы-арбалет пронзали душу. Боль была такой, словно сквозь плоть ему схватили позвоночник. Кадык Дань Фэна дёрнулся, и из шеи хлынула кровь.

Превозмогая разрывающую боль, он прижался лбом ко лбу Се Хунъи. Как бы тень ни была его, как бы оковы ни скрежетали, он не отступал. Горячая кровь стекала в ямку на его шее, заставляя худые ключицы под одеждой дрожать.

— Не явлюсь — как же я буду за тобой следить, чтобы ты не сдох где-нибудь без погребения!

В глазах Се Хунъи вспыхнула убийственная ярость, и в его горле послышался скрежет.

— Я хоть всю Обитель Сихэ потоплю, засуну всех твоих братьев по одному в жемчужины и буду перемалывать их там тысячи раз. Ты меня остановишь?

— Ладно, никто в мире не может вывести меня из себя так, как ты. А я тогда кто?

— Ты — рогатый бык! — ответил Се Хунъи.

— Если мы все заодно, почему ты не убил меня? Если есть хоть капля привязанности, почему ты используешь меня как оружие?

— Просто под руку подвернулся.

— Это из-за дворца Чанлю, да? Твоя терпимость, твоя ненависть ко мне — всё из-за того, что было тогда!

— Что ты ещё помнишь?! — воскликнул Се Хунъи.

— Двадцать лет назад я был в Чанлю и даже просил твоей руки. Должно быть, был молод и глуп, и... ослеплён красотой, и оскорбил тебя, — сказал Дань Фэн.

Се Хунъи протянул руку и приложил её к его даньтяню.

Это было почти нежное движение, но Дань Фэн содрогнулся, и его лицо изменилось. Весь его гнев, словно от удара молнии, улетучился.

— Что, уже дошло до этого? — ошеломлённо спросил он.

— Ты... бессердечный, безмозглый ублюдок!

Не успел он договорить, как в горле Се Хунъи раздался тихий треск льда. В гневе сломалась лекарственная игла, и холод хлынул обратно. Он потерял цвет и откинулся назад.

Такая реакция испугала и Дань Фэна. Он подумал, что в пылу ссоры не довёл ли его до смерти, и поспешно протянул руку, чтобы поддержать его.

Кровь капала на лицо Се Хунъи.

Его глаза были полузакрыты, сознание мутнело, но два пальца всё ещё крепко сжимали золотое кольцо. От горячей крови его запястье слегка дрожало.

Низко опущенный полог накрывал их плечи. Неизвестно, кого он ненавидел в своём сердце.

Похоже, яд и инстинктивное отвращение к жару боролись в теле Се Хунъи, и он воспользовался тем, что было под рукой.

Хочешь и тигра побороть, и волка одолеть, и не боишься, что они на тебя набросятся? Не бывает так легко.

Дань Фэн, сжав зубы, медленно опустил голову на дюйм.

Хрупкое равновесие тут же было нарушено. Се Хунъи тут же вскинул голову. Это нельзя было назвать поцелуем — в нём не было и тени нежности. Это была змея на пороге смерти, которая отчаянно впивается ядовитыми зубами в живое существо перед собой, чтобы согреться его кровью. Его язык скользнул по ране, и горло Дань Фэна онемело.

Горячая кровь коснулась его губ, и на бледном лице наконец появился румянец, распространяясь от губ к щекам.

Белая нефритовая статуя бодхисаттвы, оживлённая кровью.

Жаль только, что сердце её было холодным и твёрдым.

И действительно, придя в себя, Се Хунъи откашлялся в его объятиях и принялся играть с золотым кольцом.

Сначала это было ленивое поддразнивание, как с животным, а затем он резко дёрнул, и в напряжённых мышцах шеи Дань Фэна что-то хрустнуло, отбросив его голову в сторону.

Се Хунъи разжал пальцы, и клинок Фэнъе, запиравший дверь, соскользнул на несколько цуней.

Звон клинка тут же привёл Дань Фэна в чувство. Увидев этот жест, означавший «убирайся вон», он почувствовал бессильное раздражение. На его лице промелькнула ярость, и он крикнул клинку:

— Запри дверь! Пока не разберёмся, никто не выйдет и никто не войдёт!

Не успел он договорить, как у кровати раздался тихий звук. Е Шуанчоу, придерживая голову, поднялась. Её взгляд постепенно сфокусировался, и смутный испуг сменился гневом, готовым вырваться наружу.

Как он мог забыть о ней!

Дань Фэн лишь бросил на неё взгляд, и его злость усилилась. Он посмотрел на Се Хунъи.

— Принц, ты ведь не хочешь, чтобы другие видели тебя в таком виде?

Он сказал это в шутку, но его слова неожиданно задели за живое.

Тяжёлые шаги уже достигли двери. Раздался звон вынимаемых из ножен мечей. Дверь вот-вот должна была быть выломана, но её легко придержали, и воины замерли снаружи.

По обе стороны двери, и внутри, и снаружи, в головах у всех пронеслась одна и та же пугающая мысль.

В таком виде... в каком?

Е Шуанчоу поспешно подняла глаза. Чёрные волосы Се Хунъи были рассыпаны, на подбородке виднелись следы крови, а также отпечатки пальцев от грубой хватки. Белый нефрит был осквернён. Чувство запоздалого спасения и скорби охватило её, и она готова была разрыдаться от гнева.

— Наглец, что ты сделал с принцем!

— Давал лекарство.

— Давал лекарство так, что вся кровать пахнет мускусной золотой канарейкой? Не смей своей грязной кровью осквернять принца! Чанхэ!